

ИСКУССТВО: ЯЗЫК БОГА

От античности
до авангарда

ИСКУССТВО: ЯЗЫК БОГА

От античности
до авангарда

Лилия
Ратнер

Москва Никея 2018

УДК 7.03

ББК 85.1

Р 25

Допущено к распространению

Издательским советом

Русской Православной Церкви

ИС Р18-801-0011

Ратнер Л. Н.

Р 25 Искусство: язык Бога. От античности до авангарда. — М.: Никея, 2018. — 304 с. (96 с. вклейка): ил. — (Бог и культура).

ISBN 978-5-91761-826-5

Книга художника Лилии Ратнер (1929–2016) — не учебник по истории живописи. Это — яркий, глубокий и эмоциональный взгляд на все мировое изобразительное искусство от античности до XX века. Для автора искусство — это язык, на котором Бог разговаривает с человеком. Может ли художник слышать и передавать эти Слова? Как их распознать даже в тех произведениях, которые кажутся бесконечно далекими от Бога? Как личная судьба художника связана с его даром? Автор предлагает читателю посмотреть на искусство с этого ракурса.

Лилия Ратнер читала лекции в самых разных аудиториях, и эта книга создана на основе ее последнего курса, прочитанного перед будущими психологами, а также на основе фрагментов сборника ее эссе «В поисках смысла красоты», которые она включала в свои лекции.

УДК 7.03

ББК 85.1

© ООО ТД «Никея», 2018

© Издательский дом «Никея», 2018

© Ратнер Л. Н., наследники, 2018

ISBN 978-5-91761-826-5

Оглавление

13

Предыстория

- 13 Телеграммы от Бога
- 17 Красота надоела?

23

Глава 1

Что знали язычники о красоте Бога?

- 24 Праискусство
- 25 Египет: искусство, обращенное к вечности
- 30 Греция: человек как мерило красоты

35

Глава 2

Средневековье:

Бог отвечает человеку

- 36 Новый язык духа, или Почему икона невозможна без нас
- 44 Романика западная и восточная
- 47 Готика — штурм небес

51

Глава 3

Великая иллюзия Ренессанса

- 52 Потрогать Бога руками
- 56 Золотой век в темные времена
- 58 Вселенная Леонардо
- 62 Микеланджело: «Хочу хотеть того, что не хочу»
- 71 Божественный Санцио и массовая культура

79

Глава 4

Живописные мистерии и толпа Брейгеля

- 80 Мужичкий гений
- 84 Два космоса
- 86 Пародия на рай

93

Глава 5

Голландский натюрморт, или Тайная Евхаристия

- 94 Предметы говорят
- 97 Тихая жизнь вместо мертвой природы
- 100 Фламандский пир Валтасара
- 102 Судьба натюрморта

105

Глава 6

Караваджо: художник между жизнью и смертью

- 106 Гении меняющейся эпохи
- 107 Мчащееся время Караваджо
- 110 Вечность в корзине с фруктами
- 115 Инсталляции XVII века
- 122 Неистовая жизнь

127

Глава 7

Рембрандт: жизнь и творчество в двух мирах

- 128 Загадка сияющего холста
- 131 Блудный сын пока еще в таверне
- 133 Драма библейских сюжетов
- 136 Почему были недовольны заказчики
«Ночного дозора»?
- 142 Рембрандт пишет Рембрандта

147

Глава 8

Просвещение: канатоходец над пропастью

148 Если Бога нет

155

Глава 9

Русский Ренессанс

156 Наш золотой век

160 «Блистательный Карл»

164 Вселенский масштаб Иванова

171 Честные поиски Николая Ге

180 Поленов и Евангелие

183

Глава 10

Пейзаж: от иконы к импрессионизму

184 Вертикальный разрез мироздания

189 Рай по линейке

193

Глава 11

Импрессионисты: их героем был свет

194 Портреты природы

196 Славить Бога у железнодорожной станции

203

Глава 12

Сезанн и Ван Гог: импрессионисты наоборот

204 Ритм без сюжета

206 Последний рыцарь печального образа

215

Глава 13
Русский пейзаж:
тихий приют или «цветение ни для кого»?

216 Магия движения вспать

218 Мечты об ушедшем

225

Глава 14
Серов: лица, которых уже нет

226 Зачем?

229 Прощание

235

Глава 15
Пикассо и Дали:
концептуальное искусство
или голый король?

236 Пикассо: предсказание атомного распада

245 Дали: кажущийся таинственный мир

251

Глава 16
Малевич: искусство умерло!
Да здравствует искусство!

252 Футуризм: вперед, в будущее!

256 В авангарде авангарда

259 Семафоры супрематизма

261 «Черный квадрат в белом окладе»

263 Искусство и новая власть

267

Глава 17
Шагал: художник, рожденный летать

268 Расцвел цветок любви

271 Обживание Неба

277 Как Витебск и коровка попали в Париж

279 Смысл инобытия

283

Глава 18

Моранди:

поэзия простых вещей

284 Метафизика обычного

286 Погружение во внутренний пейзаж

288 Из ада — в свет

293

Послесловие

299

Об авторе и об этой книге

Лилия Ратнер

Предыстория

Телеграммы от Бога

В 50-е годы я окончила художественное отделение Полиграфического института, а потом поступила в Московский университет на искусствоведение. Но искусствоведом так и не стала, с головой ушла в реальное искусство рисования. А потом, спустя много-много лет, мне мое образование понадобилось. Это случилось тогда, когда я для себя открыла, что искусство, как океан, совершает приливы и отливы, то уходя от Бога, то вновь пытаясь приблизиться к Нему, но настоящее искусство всегда связано с Богом, все исходит из одного единого Центра, а все, что вне этого, совершенно бессмысленно.

Конечно, когда я училась, никаких идей, связанных с Богом, у меня не было. Я обратилась и приняла крещение гораздо позже — в 1979 году — и попала в среду православных священников, которые, как и я, были неофитами. Один

из них был переводчиком с английского, другой — сын писателя, третий — бывший архитектор. Лидером у них был очень талантливый поэт, который в 26 лет обратился и сжег все свои стихи. Это была такая среда, вышедшая из богемы, которая ненавидела искусство! Моим духовником стал бывший киновед, выпускник ВГИКа, который после рукоположения тоже все это бросил. Наверное, звучит странно, но все они, придя в Церковь, как бы отталкивались от себя в прошлом, меняли вектор своего пути на противоположный. Кстати, до сих пор в православии есть такое мнение, что искусство — это жизнь душевного человека, не просвещенного духовно; что искусство заражено грехом, и за счет своего очарования оно может заражать грехом других. И когда я пришла в Церковь, вдруг оказалось, что я занимаюсь чем-то недозволенным.

Меня это ужасно мучило. Я очень уважала своего батюшку, это было первое духовное лицо в моей жизни, но все время с ним спорила. Я приходила к нему на исповедь и говорила: «Грешна, батюшка!» — «В чем же ты грешна?» — «Осуждала священноначалие (то есть его)». Естественно, ему ничего не стоило меня с моими оправданиями искусства разбить в пух и прах, и я уходила со слезами. Но, приходя домой, писала ему письма, главным в которых был вопрос: если Бог дал талант человеку, почему он должен зарывать его в землю? Он мне приводил тысячу аргументов и отвечал, что искусством можно заниматься, но только церковным: иконы, роспись храмов... А мне казалось, что я родилась совсем с другими задачами. И я не понимала: ну почему, если я напишу прекрасный пейзаж или портрет замечательного человека, это не будет прославлением Господа Бога?

В постоянных спорах мы провели с этим батюшкой почти десять лет, и в результате у меня даже получилась небольшая книжечка полемических эссе об изобразительном искусстве. Так что я многим ему обязана. Кстати, сейчас он совершенно изменил свою позицию, и его дети и внуки не чужды искусству.

Но тогда он был категорически против, а я, поскольку ничего другого делать не умела и не могла и, кроме всего прочего, это было единственное мое ремесло, которым я зарабатывала на жизнь, — я продолжала рисовать. Однако невозможно заниматься искусством, чувствуя, что оно тебе запрещено, что это что-то греховное. Постепенно я перестала выставляться, перестала общаться со своими друзьями, которые меня ценили как художника. Потом почти перестала рисовать. В конце концов я стала погружаться в глубокую депрессию...

Мой духовник любил говорить красивые проповеди, в стиле XIX века. Например, однажды я от него услышала: «Православные — счастливые люди. У нас есть всё: Священное Писание, Святое Предание, культ Богородицы, иконы. Мы сидим за пиршественным столом». А я вдруг нечаянно, неожиданно для себя говорю мрачно: «За этим пиршественным столом можно умереть от голода!» Вспомнила греческого царя Мидаса: все, к чему он прикасался, превращалось в золото.

В какой-то момент я дошла до того, что стала думать: зачем я крестилась, зачем я в эту Церковь вообще пришла, загубила свою жизнь.

И вот мой священник, видя меня в таком ужасном состоянии, однажды посоветовал: съезди в Армению, там есть замечательная община...

В ту пору у меня никогда не было денег, а тут вдруг деньги нашлись — у меня музей как раз купил работы, и я полетела на эти деньги в Ереван, никого не зная там, ничего не ожидая — просто, что называется, по послушанию.

В Ереване была огромная община членов Армянской Апостольской Церкви — примерно три тысячи человек, в основном репатрианты, семьи которых после революции уехали на Запад, а потом их Сталин пригласил вернуться. Они поверили, вернулись, привезли все свое имущество, Сталин это все у них немедленно отобрал. Но им важно было, что они на Родину вернулись, у армян по всему миру очень сильная связь с родной землей.

Десять дней я прожила в семье чудесного человека по имени Гамлет — он был инженер-физик, работал на атомной станции. Дом у него был такой чистый-чистый, бедный, никаких ковров, никаких хрусталей. Очень милая молодая жена, двое деток, и все такие приветливые. Эти десять дней для меня были как сказка! В общине так много всего было интересного: молодежные группы, вечерние школы, филиалы по всей Армении. Я увидела деятельных живых христиан, которые делают очень много добра. Сколько любви они на меня обрушили! Я начала ездить в Ереван каждые три месяца, я просто рвалась туда. И как-то они мне говорят: ты так не наездишься — это же очень дорого. А у вас в Москве есть похожая община. И дали мне телефон отца Александра Меня¹. Так я стала его прихожанкой.

¹ Протоиерей Александр Мень (1935–1990) — православный священник, известный миссионер, библиист, просветитель, переводчик, писатель. Был зверски убит 9 сентября 1990 года неизвестными. Лилия Ратнер стала духовной дочерью отца Александра в последние годы его жизни.

И тут все встало на свои места, потому что отец Александр очень ценил и любил всякое творчество. Он мгновенно снял с меня этот запрет на искусство, и я стала выздоравливать, как после тяжелой болезни. Как это было мучительно, как я боялась рисовать! И вот потихоньку, постепенно я стала делать наброски, пока вдруг из меня не полились, просто как из фонтана, рисунки на тему Ветхого Завета, за которые мне не стыдно. И это было счастье.

Это произошло уже после гибели отца Александра...

Собственно, эту историю я рассказала, чтобы было понятно, как я пришла к идее, что любое искусство — от Бога, если оно — настоящее искусство.

Красота надоела?

С моей точки зрения, с сотворения мира и с древних времен, когда изобразительное искусство уже заявило о себе, процесс его развития идет по нисходящей. Обычно люди не хотят этого признавать, считая, что все эпохи одинаково значимы, одинаково гениальны, просто они говорят разным языком. Но мое глубочайшее убеждение, что это не так. Я считаю, что искусство древних было неизмеримо выше, грандиознее и ближе к Богу, чем искусство наших дней. Конечно, нам не хочется так думать: ну как это, с какой стати мы — и вдруг не гении? Может быть, гении есть среди нас, но не в этом дело. Я говорю об основном векторе, который указывает на некоторую редукцию, понижение чувства прекрасного.

Когда я училась, у нас был очень харизматический лидер² (ему было лет тридцать, но нам, восемнадцатилетним, он казался старым, взрослым и мудрым). Он говорил: «Красота — это то, что должно пылиться в музеях. Вы должны писать так, чтобы хотелось... вырвать, глядя на ваши картины». Представляете? То есть красота надоела, кто-то утверждал, что красота — это вранье, фальшь... Но я никогда не могла с этим согласиться. И однажды, когда я уже пришла в Церковь, мне попались слова замечательного французского православного богослова Оливье Клемана, цитирую их тут не дословно: «Наша вера красива. Святость прекрасна. Мы должны возродить красоту. Красота — это улыбка Бога. Как можно жить без нее? Бог создал мир именно по законам гармонии, красоты и порядка. Просто человек сделал все, чтобы разрушить эту гармонию, но, может быть, в наших силах ее возродить или хотя бы попытаться что-то сделать».

Люди не всегда понимают, зачем вообще нужно искусство. Как мы обычно смотрим на картины? Нас захватывает сюжет. «Иван Грозный убивает сына»³ — страшно, царь глаза вытаращил, кровь течет, безумное лицо... Поволновались — и пошли дальше. А там — еще Репин, «Не ждали». Кого не ждали, почему не ждали, кто это такой пришел, откуда пришел — вот что нам интересно. А суть-то вся в том,

² Речь идет об Элии Белютине (1925–2012), руководителе художественной студии «Новая реальность». Работы студийцев, среди которых была и Лилия Ратнер, экспонировались в 1962 г. на знаменитой выставке в Манеже, разгромленной Н. С. Хрущевым.

³ Картина И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года».

что у «Ивана Грозного» — красное на красном! А в «Не ждали» — контраст ясной, светлой, такой безмятежной комнаты и семьи — и этого странного, какого-то темного человека с обмотанным вокруг шеи шарфом, который, может быть, только что свалился с виселицы и поэтому помилован...

Художник мыслит образно — совершенно не так, как мыслит обычный человек. Например, Суриков однажды увидел горящую свечу днем, на фоне занавески на окне. И очень долго и мучительно носил в себе этот образ, пытаюсь вспомнить, какая у него ассоциация рождается. И в конце концов понял, увидел: «Утро стрелецкой казни», ни больше ни меньше! Помните, там эти стрельцы в белых предсмертных рубашках, со свечами? Вот какое грандиозное полотно, шекспировского масштаба, вызвала в сознании художника одна свечка, горящая днем на окне! Или ворона на снегу — как вы думаете, что художнику пришло в голову при виде вороны на снегу? «Боярыня Морозова»!

Недавно я услышала от своего старого знакомого, известного лингвиста Вячеслава Всеволодовича Иванова об открытии современных археологов: они обнаружили, что изобразительное искусство — речь, так сказать, рисуночная была дана людям задолго до того, как появилась словесная речь и тем более письменная. Древние люди общались между собой образами, это самая главная, самая исконная форма общения. Я думаю, что в раю Адам и Ева общались именно так — вообще без слов, именно образами. И конечно, этот образный язык дан нам Богом для общения с Ним и друг с другом. Это самое главное. Поэтому, когда мы воспринимаем искусство, мы должны держать наготове вопрос: чем эта картина меня зацепила? Что Бог

хочет сказать именно мне и именно через эту картину? Это же какие-то телеграммы, письма, обращения Бога к нам через настоящих художников. Он хочет, чтобы мы уловили, угадали, расшифровали этот сигнал и понесли его дальше. В этом, мне кажется, главный смысл художественного творчества и ключ к его пониманию.

Блок был замечательным мистическим поэтом, и я уверена, что он запросто встречался с Музой. У Блока в стихотворении «К Музе» есть такие слова:

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.
И когда ты смеешься над верой,
(заметьте — она смеялась над верой! — Л. Р.)
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.
Зла, добра ли? Ты вся — не отсюда,
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.
Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

Видите, Блок говорит, что красота может быть и проклятием. Наша с вами задача — вернуть красоте ее изначальный смысл. Или хотя бы постараться это сделать.

Считается, что художники, как и музыканты, и артисты, говорить не умеют. А я как раз очень люблю, когда говорят художники, потому что они говорят о конкретных вещах. Я как-то присутствовала на защите диплома в Суриковском институте. Дипломник показывает картину, искусствоведы начинают говорить высокие слова, дают исторические экскурсии... Потом встает художник и говорит: «Да просто надо усилить первый план!» И это было совершенно точно! Этого никогда не увидит никакой искусствовед... Художники действительно говорят большей частью коряво, с трудом, но уж если скажут, то в самую точку, потому что они мыслят образами.

Что такое язык образов? Это язык души, так душа разговаривает. Нам всем это знакомо. Вот мы смотрим на еле видимый зеленый туман, который вдруг начинает окутывать деревья ранней весной. Еще пасмурно и холодно, а у нас в душе какое-то ликование, мы еще даже не осознали, в чем дело, но этот зеленый туман почему-то трогает наше сердце. Сначала всегда говорит душа, и рисунок или картина дают важную информацию о состоянии души. Мне очень нравятся слова моего друга, доктора психологии Бориса Сергеевича Братуся: «Живопись относится к той донаточной психологии, предметом которой была душа вообще, во всем многообразии».

Еще одно соображение, прежде чем мы начнем говорить об изобразительном искусстве. Я хочу поспорить с замечательным стихотворением Николая Гумилева «Шестое чувство»:

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарей
Под холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение летит неудержимо.
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо...
Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Красиво, правда? Но я не согласна с тем, что этот орган только предстоит еще родить человечеству. Я убеждена, что первое, что Господь вложил в нас, — именно этот орган, именно это шестое чувство, которым мы улавливаем «образ мира, в слове явленный»⁴, как сказал Пастернак. Но, к сожалению, под так называемым культурным слоем, мусором и всем прочим это забылось. Давайте вместе разгребать культурный слой и извлекать это изначальное шестое чувство, прежде всего — в самих себе.

⁴ Из стихотворения Б. Пастернака «Август».

Глава 1

Что знали язычники о красоте Бога?

